

Против течения, несмотря ни на что!

Роккер Рудольф

1930

Действительно, требуется мужество, смелость и безграничная надежда, чтобы смотреть в далёкие горизонты нового будущего во времена, когда все силы прошлого высвободились, а безымянные страдания, в сочетании с духовным угнетением, довлеют над народами, как кошмар. Греческий мудрец мог бы и сегодня снова отправиться в путь при свете дня с горящим фонарём, чтобы найти людей, новых людей с пламенной верой и переполненными сердцами, которые бесстрашно шагают навстречу будущей эпохе; результат был бы достаточно скудным в эту эпоху неприкрытой националистической реакции и фашизма, диктаторской жажды власти как справа, так и слева, капиталистической «рационализации» и безграничной веры в государство, которую разделяет подавляющее большинство наших современников.

Однако старый Диоген не собирался возвращаться в свою бочку совершенно неудовлетворённым, насмехаясь над своим народом. В условиях умственного и физического порабощения в мрачном настоящем он, по крайней мере, находил проблески надежды, семена новой жизни и нового человечества, стремящегося из глубин к свету.

Да, действительно, готовится новое человечество, которое уже во всех сферах общественной жизни борется со злым духом нашего времени, который, если сравнивать его с ним, выглядит ещё более безнадежным и жестоким.

Возможно, сегодняшняя реакция, которая не только прочно укоренилась в правительственных кабинетах, но и уже слишком глубоко проникла в разум и душу современного человека, как с поразительной ясностью продемонстрировали недавние события, возможно, сегодняшняя реакция — это всего лишь гротескная прелюдия к новой эре, подобно сумеркам к солнечному свету. Возможно, необходимо, чтобы обанкротившаяся система сначала выявила свою интеллектуальную некомпетентность и внутренние противоречия на всех этапах своего практического функционирования, прежде чем новая система сможет энергично и триумфально заявить о себе.

Что невероятно характерно для нашего времени, так это отсутствие чувства свободы. Хотя никогда прежде не говорилось так много о личности и индивидуальности, как сегодня, никогда прежде не предпринималось попыток загнать мысль и действие в столь узкие рамки и возвести самую утомительную однородность любой

деятельности в ранг принципа. Это особенно верно для Германии, где единообразие мышления приобрело такое влияние, что его сторонники, как справа, так и слева, больше не могут обходиться без униформы, даже внешне. Если раньше задача Церкви заключалась в определении предписанных качеств человека и установлении их в виде фиксированных норм, то теперь эта деятельность стала прерогативой государства и партий, основанных на его идеологии. Верный гражданин и типичный член партии нашего времени, оба бесславные символы современной злобы, заняли место старого прихожанина и продолжают мыслить в том же ключе. Современный человек настолько глубоко страдает от государственной веры, внушаемой ему со всех сторон, что боится провалиться в пропасть, если структуры государства начнут ослабевать. По этой причине в бурные времена он бушует, как безумец, взывая к сильному лидеру, который восстановит его чувство безопасности. То, что он принимает за силу, — это всего лишь признание собственной слабости, громкое проявление его комплекса неполноценности. Государство стало его земным провидением; поэтому он пренебрежительно относится к личной инициативе и ожидает спасения от диктата избранных, представленного ему в виде законов. Он стремится купить личную безопасность, отказываясь от всякой свободы, и тем самым всё глубже погружается в интеллектуальное подчинение безжизненному механизму, чья слепая рутина должна заменить его дух.

Конечно, он тоже говорит о свободе, но всегда лишь как проститутка о своей невинности. Он заключает её в статуты конституции и расставляет для неё тысячи петель в мёртвой, заключённой в параграфы мудрости её законов, говорит о конституционных правах и свободах, и не понимает, что его мнимые права удушают справедливость, что его свободы позволяют свободе задохнуться в прокрустовом ложе государства. Ибсен глубоко осознал это, когда писал Брандесу эти проникновенные слова: «То, что они называют свободой, я называю свободами; и то, что я называю борьбой за свободу, — это ни что иное, как постоянное, живое присвоение идеи свободы. Тот, кто обладает свободой иным способом, чем идеалом, к которому следует стремиться, обладает ею мёртвой и бездушной, ибо понятие свободы обладает свойством постоянно расширяться в процессе своего присвоения, и если кто-то останавливается во время борьбы и говорит: вот теперь она у меня есть! — то он показывает именно то, что потерял её. Но этот мёртвый способ обладания определённой фиксированной точкой зрения на свободу характерен для государственных образований... Государство — проклятие индивида. Чем куплена сила Пруссии как государства? Поглощением индивидов политико-географическим понятием. Официант — лучший солдат».

Мы стремимся к закату государства, к победе общества над злым духом политического патернализма и экономического угнетения. Если вы хотите распознать революционную личность, проверьте её стремление к свободе! В этом заключается разделение нового и старого, ограничений и независимости. Те, кто не может обойтись без костылей авторитарного патернализма, не принадлежат к новому; они всё ещё прочно связаны со старыми силами прошлого, от которых никакая революционная риторика, сколь бы красноречивой она ни была, не может их отделить. Пока вчерашние революционеры становятся сегодняшними реакционерами, цель

революции остаётся невыполненной; это не пролог к новому становлению, а всего лишь ещё одна глава в болезненной и кровавой истории человеческого рабства.

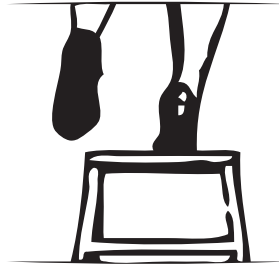
Жить своей жизнью, судить обо всем по собственному разумению, больше не мыслить мыслями наших дедов – вот первый признак свободного человечества.

Только когда свобода становится внутренним переживанием, мы обретаем чувство человеческого достоинства и социальной справедливости. Осознание корней нашего «я» в большем «мы» создаёт подлинное чувство товарищества и внутренней связи, которые не могут дать нам никакие правительственные указы, никакая диктатура, никакая партийная дисциплина.

Стремление к новой жизни выражается не в жёстких программах и догматическом доктринерстве, а в живом выражении сокровенных убеждений и раскрытии творческой активности во всех сферах социальной и личной жизни. Доктринерство – есть смерть свободы, слепая вера в изъеденные червями святилища, давно покинутые духом, отказ от независимого исследования и мышления, а также превращение пламенной радости в истине в мёртвую догму и бездумную буквальность, лишённую всякой творческой силы.

Подобно тому, как молодое растение может распуститься только на свету, так и идея нуждается в практическом применении, чтобы принести плоды в борьбе против существующего порядка и за покорение лучшего будущего. Особенно сегодня, когда волны реакции набирают всё большую силу, сотрудничество всех сил свободы является насущной необходимостью, если последний остаток свободного человечества не должен задохнуться в трясине невыносимой тирании и самой идиотской реакции. Нас окружает враждебный мир, ибо даже большинство тех, кто называет себя революционерами, против нас. Никогда ещё слова Бакунина о «официальной реакции и официальной революции, которые соперничают друг с другом в ничтожности и глупости», не имели большего значения, чем сегодня. Поэтому наш лозунг как анархистов: Против течения, несмотря ни на что!

Библиотека Анархизма
Антикопирайт и инфоанархизм

Роккер Рудольф
Против течения, несмотря ни на что!
1930

Скопировано 03.06.2026 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3805>
Перевод с немецкого: Ndejra Из: Fanal, Nr. 1/ 1930

ru.anarchistlibraries.net